

Секция «Журналистика»

Дэвид Сэлинджер: сверхчувствительность как условие неподдельности восприятия мира

Федорченко Антонина Сергеевна

Студент

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Факультет

журналистики, Яготин, Украина

E-mail: manjoke_r@rambler.ru

Литература XX века характеризуется изучением психологического портрета человека. Фрейдизм и другие направления в психологии и философии только усилили интерес писателей к познанию внутреннего мира их героев.

В этот период начинается эра литературных экспериментов. Очень часто для того, чтобы наиболее полно раскрыть характер, автор наделяет своего героя сверхчувствительностью, которая зачастую граничит с психологическими отклонениями от «нормы». Но вместе с тем, литератор также исследует понятие самой «нормы». Зачастую, именно благодаря этому приему автору удается уйти от избитых понятий «правильно» - «не правильно», избежать морализаторства и вместе с тем воссоздать многогранный и многослойный образ героя.

Большой американский мечтатель, большой американский гуру Джером Дэвид Сэлинджер использует сверхчувствительность как главное условие неподдельности восприятия мира.

Используя этот метод, он наиболее точно сумел передать тоску человеческой души по неподдельности чувств, неподдельности отношений, неподдельности веры и мира. В своих произведениях он ищет ответ на вопрос: «Осталось ли в мире хоть что-то настоящее?»

Он рассказал всем о том, что как-то хотел быть ловцом человеческих душ, но спасти ему удалось только своих героев, а их, по сути, не так уж и много. Будучи умными, чистыми, просветленными, эти дети стали маленькими воплощениями Мессии, которые провозглашали важнейшие духовные истины в школе, дома, в кругу друзей, в то время, когда мир находился «над пропастью во ржи».

Дабы полностью раскрыть душевный мир своих героев, Дж.Д.Сэлинджер не пытается придумать им искусственных испытаний, не ищет затейливых ходов сюжета, он просто наделяет их чувствительностью, а точнее сказать – сверхчувствительностью к фальши, лжи, лицемерию, к подделке. Они сотканы из нервных окончаний, у них попросту нет той «кожи», той спасительной грубости, черствости, надменности. И постоянно готовы реагировать на каждое проявление подделки или фальши. Пытаясь достигнуть гармонии, они идут на конфликт с миром. Каждый раз, когда их столь богатый и разнообразный внутренний мир соприкасается с миром реальности, они испытывают боль разочарований. По сути своей, его герои асоциальны, потому как не могут до конца примириться с миром. Они исследуют его со всех сторон, пытаясь понять и принять: «Мы знали, что того, кто родился для познания, не оставишь невеждой, и в глубине души, конечно, мы этого и не хотели, но нас беспокоило, даже пугало то статистическое изобилие детей-педантов и академических мудрил, которые вырастали во всезнаек, толкущихся в университетских коридорах. Но важнее, намного важнее, Симор уже начал

это понимать (а я с ним согласился, насколько мне была доступна эта мысль), что образование, как его ни назови, будет сладко, а может, и еще сладостнее, если его начинать не с погони за знаниями, а с погони, как сказал бы последователь Дзен-буддизма, за незнанием. Доктор Судзуки где-то говорит, что пребывать в состоянии чистого сознания – сатори – это значит пребывать с Богом до того, как он сказал: «Да будет свет» [1].

Такое восприятие мира в авторской трактовке наиболее совершенно, так как оно не предвидит компромиссов с совестью. Есть правда и есть фальшь – третьего не дано. Во всех его рассказах и повестях идет неустанный поиск совершенства, поиск правильного пути. Но такое восприятие возможно только через боль и сомнения, которым постоянно подвергаются герои. Так Зуи Гласс в рассказе «Зуи» очень точно описывает свои чувства: «Мы уродцы, вот и все. Эти два подонка взяли нас, миленьких и маленьких, и сделали из нас двух уродов, внушили нам уродские принципы, вот и все. Мы – как Татуированная Женщина, и не будет у нас ни минуты покоя до конца нашей жизни, пока мы всех до единого тоже не перетатуируем. – Заметно нахмурившись, он сунул сигару в рот и попробовал затянуться, но сигара уже потухла. – А сверх всего, – быстро продолжал он, – у нас еще и комплексы «Умного ребенка». Мы же так всю жизнь и чувствуем себя дикторами. Все мы. Мы не отвечаем, мы вещаем. Мы не разговариваем, мы разглагольствуем. По крайней мере, я такой. В ту минуту, как я оказываюсь в комнате с человеком, у которого все уши в наличии, я превращаюсь в *ясновидящего*, черт меня подери, или в живую шляпную булавку» [1].

Хотя, даже выражая чувства, герои сами рискуют подвергнуться фальши. Чтобы не опозлить понятие неподдельности они пытаются искать новые формы совершенные выражения эмоций. Именно с этой проблемой сталкивается Холден Колфилд, пытаясь объяснить своей сестричке, что же именно он хочет от жизни: «Мне казалось, что там «ловил кого-то вечером во ржи», – говорю. – Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак» [2].

Сверхчувствительность, которой Дж.Д.Сэлинджер наделяет своих героев и ставит одним из главных условий восприятия, дает возможность показать новый психологический портрет человека, который жаждет неподдельности и тоскует по ней. Именно эта черта характера будет присуща у тех, кто когда-то своей чуткостью к фальши разрушит мир потребителей, кто научится спасать души людей «над пропастью во ржи», как того хотел большой американский мечтатель.

Литература

1. Сэлинджер Д. Зуи / Над пропастью во ржи. Повести. Рассказы: Пер. с англ. / Сост. и предисл. А.Мулярчика; Ил. и оф. Г.Бойко и И.Шалито. – Правда, 1991. – С. 410.

2. Сэлинджер Д. Над пропастью во ржи / Над пропастью во ржи. Повести. Рассказы: Пер. с англ. / Сост. и предисл. А.Мулярчика; Ил. и оф. Г.Бойко и И.Шалито. – Правда, 1991. – С. 153.

Слова благодарности

Спасибо моему научному руководителю, Тамаре Владимировне Старченко, за неподдельность восприятия мира